

П. Г. Носачев

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН И «РУССКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ»

Рассказывать о Евгении Головине – непростое дело. Он плохо известен русскому читателю, даже тому, кто серьезно интересуется эзотеризмом. С одной стороны, его работы легко доступны, существует достаточно много текстов, написанных о нем его друзьями, врагами и учениками. Но при всем этом заниматься реконструкцией его мировоззрения нелегко. Ведь очевидно, что сам Головин никогда бы не согласился ни с одним положением, высказанным о нем, и наверняка отверг бы саму идею проведения исследования его творчества. Вероятно, аналогично, поступят и его так называемые «последователи». Но мы все же попытаемся.

Целью данной статьи является реконструкция взглядов Евгения Головина. Разумеется, полной реконструкции взглядов столь серьезного автора провести в столь сжатом формате невозможно. Так что мы ограничимся лишь общим введением в проблему, имея в виду в качестве главного ее аспекта связь Евгения Всеволодовича с «русским традиционализмом». Использование данного концепта представляется нам уместным хотя бы потому, что Марк Седжвик в своей книге «Против современного мира» [Sedgwick 2004] описывает специфический традиционализм, развившийся на территории России и представленный А. Дугиным и Г. Джемалем. Кроме того, в качестве самоназвания данный термин применяют к себе различные отечественные авторы. Например, в книге «Кто делает философию в современной России» ее автор-составитель А. Нилогов начал интервью с Олегом Фоминым с фразы: «Олег Валерьевич, вы известны прежде всего как одна из ключевых фигур современного российского традиционализма». Фомин полностью согласился с данной характеристикой и начал рассказывать о том, как он развивает «русский традиционализм» в своих работах [Нилогов 2007: 340–345].

Чем же знаменит Головин, этот московский поэт и переводчик? Прежде всего, он «основатель современного традиционализма в России»¹, популяризатор алхимии и герметики, гуру московского андеграунда 1960–1970-х гг., которого знали под псевдонимом «Адмирал», человек, познакомивший русскоязычного читателя с име-

¹ Видеозапись семинара ЦКИ «Евгений Головин: поэзия, алхимия мифомания» доступна на ресурсе <http://www.evrazia.tv/content/seminar-evgeniy-golovin-poeziya-alhimiya-mifomaniya>.

нами Фулканелли, Генона, Эволы и другими ныне столь известными авторами.

Казалось бы, все эти характеристики на слуху, но что они значат на поверку? Можно ли Головина причислить к последователям Р. Генона в строгом смысле слова? Хотя Генон и полюбился Евгению Всеволодовичу, нашедшему тексты французского интеллектуала на пыльных полках Ленинской библиотеки в далекие 1960-е, Головин всегда дистанцировался от Генона. Мы обнаружим немало критических и даже жестких замечаний в адрес французского эзотерика. «Этот автор далеко не бесспорен. Если частные интерпретации и трактовки метафизических истин и символов интересны и глубоки, общая историческая или, вернее, внеисторическая перспектива представляется одновременно категорической и утопической. Трудно вообразить сверхотдаленные эпохи цивилизаций, сугубо традиционные, трудно вообразить стиль, условия, быт тогдашней жизни <...> Можно ли думать о “царстве Традиции” как о Золотом веке? Сомнительно и все же ближе к истине, ибо Генон вполне сочувствует теории циклов» (цит. по: [Ровнер 2006]). Здесь видно, что Евгений Всеволодович критично относится к Генону, так как считает, что он сам обладает более глубоким знанием, лишь контуры которого Генону удалось очертить. В своей работе «Мифомания» Головин позволяет себе еще критичнее отзываться о традиционализме в целом: «Концепция *tradition primordial* страдает ригоризмом, схематизмом и нетерпимостью, свойственной монотеистам: кто не с нами, тот против нас» [Головин 2010: 16]. Головин, деливший эзотеризм на два направления, герметiku и алхимию, негативно относился к монотеистической ветви, которую выражала последняя [Там же: 22], и был привержен язычеству первой, так что монотеистическая ригористичность концепции Генона – одна из худших ее характеристик в устах Головина.

Итак, если не традиционалист, то кто же? Гейдар Джемаль, один из учеников Евгения Всеволодовича, придумал термин «ностроцентризм», который можно перевести как «мы – центр», в том смысле, в каком алхимики именовали Первоматерию «нашей Дамой» (*Notre Dame*) (подробнее см.: [Фулканелли 2008]). Именно в таком ключе, как кажется, и нужно понимать учение Головина. Если уж и есть какой-то «русский традиционализм», так это то, что придумал Головин, и фактически данное учение имеет очень мало общего с Геноном, Эволой и др.¹. Головин задавал тон всем исканиям и действиям и в

¹ Косвенно данное положение находит подтверждение в ответе А. Г. Дугина на мой вопрос: «Существует ли русский традиционализм?». Дугин сказал, что сейчас его нет, единственный человек, осуществляющий его в современности, это он сам, так как толь-

кружке Южинского переуллка, и в более поздних группах, из которых вышли столь известные ныне Гейдар Джемаль и Александр Дугин. Можно сказать, перефразировав характеристику Пятигорского, данную Юрию Рериху¹, что Головин для его друзей был эзотеризмом в советской Москве. Например, Дугин вспоминает одну пьянку конца 1980-х гг., после которой, выйдя из пельменной и пытаясь поймать такси, Головин сказал: «Вся наша проблема в том, что мы не посвященные!». Из контекста фразы можно было бы заключить, что это плохо, но Дугин завершил рассказ такими словами: «Мы много ездили по миру и видели этих самых посвященных, это такая тоска»². Без Головина, по словам того же Дугина, «в России было бы скучно, полная пустыня, дерьмо, а не жизнь»³.

Ниже мы попробуем показать общий мировоззренческий настрой Евгения Всеволодовича, который он и передал своим столь известным ныне последователям. Отправным пунктом всех его рассуждений является мнение об отвратительном состоянии окружающего мира. Данное положение надо понимать не в социальном, экономическом или нравственном смысле: современный мир отвратителен фундаментально, онтологически. Он и его обитатели не заслуживают ничего, кроме ненависти. Именно поэтому столь любимы им «проклятые» французские поэты: Рембо, Бодлер и немец Георг Трагль (уж не они ли и заразили его бациллой ненависти к миру?). Комментируя стихотворение последнего «Офелия», Головин пишет: «Колокола, грохот кирпичей, визг машин. Офелия заплывла в механический кошмар современной индустриальной панорамы. В дымный красный вечер подъемный кран вытянул огромную морду. Он, черный тиран-Молох, перед ним копошатся на коленях сотни черных рабочих» [Головин 2011: 132]. Именно так, в виде черной фантазмагии, видит мир Евгений Всеволодович; примеров таких в его текстах огромное количество, приведем лишь еще один из другой книги:

«Метро. Один из детерминантов новой эпохи, резко отделяющий ее от всех остальных, хорошая иллюстрация изречения “из земли ты вышел, в землю уйдешь”. Спуск по эскалатору, вагон, дрема во чреве матери в грохочущей тьме, рождение, выход на освещенную станцию,

ко он сумел правильно прочесть французского эзотерика.

¹ В речи, посвященной 100-летию со дня рождения Ю. Рериха, Пятигорский отметил: «Для меня лично Юрий Николаевич был, если хотите (и это без всякого пафоса), буддизмом в Институте востоковедения академии наук» [Пятигорский 2002].

² Воспоминания автора статьи о речи Дугина на вечере памяти Головина 29 апреля 2011 г.

³ Видеозапись семинара Центра консервативных исследований «Евгений Головин: поэзия, алхимия, мифомания», состоявшегося 01.06.2011.

манифестация. Вполне инициатическое переживание, затертое все-сильной ежедневностью. Да и помимо этого метро вызывает много ассоциаций: оно часто фигурирует в сонных кошмарах, и пребывание в вагоне, несмотря на “чтение в транспорте”, вызывает мрачные, вынужденно-досужие мысли. К примеру, катастрофа, обвал в тоннеле, остановка надолго и навсегда. С любопытством рассматриваешь пассажиров, сортируя их на случай длительного совместного проживания: паникеры, паникерши, соблазнительные дамы – будущие жертвы вон той парочки потенциальных лидеров и т. д. Среди хороших, энергичных мыслей всплывает опасное соображение: нет, уж лучше тратить всю зарплату на такси, чем торчать здесь...» [Головин 1997]¹.

Разумеется, ненавидя этот мир, он ненавидит и его обитателей. Дугин в своем предисловии к «Приближению к Снежной Королеве» приводит такую классификацию существ по Головину:

«1) Ниже всех стоит “шляпня”, “инженерье”, советская интеллигенция, у нее нет внутреннего бытия вообще, это бумажное изделие, смертельно мокнущее под дождем, разрываемое любым нервным порывом бытийных ветров;

2) чуть выше – злые тролли, к ним относятся домохозяйки из коммуналок, подъездная угрюмая и решительная урла, ловкие поджарые алкаши, собравшиеся озябшим утром у ларька – эти несут в себе темное упругое бытие, готовое в любой момент рассыпаться звездной едва собранной против случайного объекта агрессивностью;

3) далее идут более утонченные агрессоры – духи, гоблины, профессиональные кляузники, сотрудники спецслужб (представители “Ордена голубых бриллиантов”), бодрые позднесоветские чудовища;

4) выше всех – “извращенные ангелы”, воспаленно-метафизические души южинского шизоидного подполья с натянутой струной горного духа, подобного выправке кремлевских курсантов, с безжалостными безднами преступных трансцендентальных подозрений (к этой категории Головин причислял самого себя).

На вопрос коллеги “а кто стоит выше ‘извращенных ангелов?’” – Головин, удивленно, подняв бровь, отвечал: “Как кто? Люди...”» [Головин 2003: 6].

Именно по причине изначальной ненависти к миру, как кажется, Головин и открывает для себя Генона, позже Эволу. Он сам отмечает, что нашел подтверждение своим взглядам на их страницах. И по той же причине красной нитью в его творчестве проходит воспевание тре-

¹ Таких мест в его книгах достаточно много, для примера см.: [Головин 2006: 131; Головин 2010: 113, 193; Головин 2011: 109].

тьего Рейха¹, причем не в форме заигрывания, а в форме последовательного принятия.

У любого явления есть причины. Такое отношение к миру не могло возникнуть из ниоткуда. Как кажется, в случае с Головиным² таковой было разрушение сказки. В детстве многим хочется верить в тайну леса, в добрых фей, гномов и волшебников. У Головина мы читаем: «Для ребенка, влюбленного в карты и эстампы, Вселенная расширяется сообразно его любопытству. Ведь мир так велик в свете лампы. Зато в глазах воспоминания мир так мал» [Головин 2011: 111]. Но окружающий мир железной поступью проходится по этим грезам, стирая их из памяти человека. И «субъект незаметно и неизбежно “настраивается” на общий тон и начинает щеголять такого рода выражениями: “это старо”, “нельзя отставать от времени”, то есть усваивает лексику наглой, плюющей на все, сиюминутной современности» [Головин 2006: 206]. Но далеко не все могут смириться с этим. Видимо, Головин не смирился.

Как один человек может бороться с миром, который живет по своим, противоречащим этому человеку, законам? Для эзотеризма подходящим является способ, воспетый романтиками, его мы найдем в Фаусте. Перед своей встречей с Мефистофелем Фауст описывает тщету всех наук, несправедливость жизни, где только буржуа и глупцы правят миром³. И когда все постигнуто, и кроме отвращения не вызывает ничего, нужно обратиться к иной сфере. Для Фауста это был Мефистофель, подаривший ему познание иной грани бытия. Для многих создателей эзотерических учений, в том числе и Головина, таким Мефистофелем был их собственный разум, их творческое воображение. Тема воображения и творческой его силы очень часто разрабатывалась на страницах головинских сочинений. Вот как он, например, рассуждает о герметической стихии воды: «Границы, контуры, очертания сохраняются весьма недолго, вещи, звери, люди, растения, звезды растворяются, размываются в смутных трансформациях, нет ни порядка, ни периодичности, ни фиксированных пунктов ориентации — это мир Диониса, где опьянено все — и наблюдатели и наблю-

¹ Можно вспомнить «Черные колонны», «Глаза темны от русского мороза» и открытую характеристику его взглядов Дугиным в послесловии к последней книге «Там» [Головин 2011: 285].

² Возможно, данное обобщение приложимо ко многим представителям западного эзотеризма.

³ Сравните со словами Головина: «Деловой человек, правда, посоветует ему (поэту — П. Н.) взяться за отбойный молоток, ручку лопаты или влезть на трибуну, громко призывая к полету на Сатурн. На худой конец, предложит сочинить диссертацию о Гете. Но у современной эпохи есть один существенный признак: здесь всегда найдутся рабочие, специалисты, демагоги, диссертанты» [Головин 2010: 113].

даемое, это страна чудес Алисы и морской простор навигаций Пантагрюэля. Нет, скажем мы, это сны, фантазмы, просто хаос. Нет. Это вселенная в доминации “воды”, с которой мы соприкасаемся иногда в так называемых снах» [Головин 2006: 234].

Таким образом, как реакцию на существующий технический ад, Головин создает из подручного материала иллюзорный мир эзотерического дискурса¹. В этом мире нет оппозиций: жизни и смерти, добра и зла, мужчины и женщины. Все в нем есть одно целое, и в такой картине мысль человека в то же самое время будет создавать реальность. Причем это сконструированная реальность будет более осязаемой, чем Галатhea из известного мифа².

Эзотеризм для Головина мыслится лишь в рамках западного мира, точнее, античности. Именно в дохристианскую эпоху истинное единство мира было достижимо. Восток не прельщает Евгения Всеволодовича потому, что с истинным Востоком западный мир не знаком. Цитируя Тракля, он подчеркивает, что «западный рационализм разжует и выплюнет гвинейских идолов точно так же, как готические соборы» [Головин 2011: 159]. Никакая теософия, Агни-йога или Сознание Кришны не могут приблизить западный мир к выходу из бесконечного тупика реальности. Единственный выход – это возвращение к истокам. А одной из практик истоков была магия. Головин много говорит о ней, при этом подчеркивая ее принципиальное отличие от науки. «Магия – система всеобщих совершенно непонятных связей» [Головин 2010: 12]. Маг не знает, почему все происходит именно так, он просто знает, что нужно предпринять определенный набор действий, и это повлечет те или иные последствия, но почему будет именно так, не интересует мага. Ибо все рациональное и последовательное, входящее в рамки логики, чуждо головинской античности.

Отдельной темой может выступать осмысление Головиным метафизики пола. Бинарность оппозиций мужского и женского есть еще одна характеристика утраты изначального единства, доступного архаическому сознанию. Именно поэтому алхимик и герметик должны найти в себе свою собственную Луну, свою Диану, свою внутреннюю

¹ Об уникальности и самоцентрированности языка текстов Головина см.: [Бутузов 2008].

² Для сравнения см.: «И здесь резкое отличие современного взгляда от античного. Нам все понятно: вот мысль, вот чувство, далее шкаф, порезанный палец. Девичий силуэт в распаленном воображении прозрачной лунных бликов на воде, сравнительно со шкафом просто чушь. Античный мир в высокой степени “формален”: силуэты, зигзаги, очертания по-разному трансформируются в разных материальных стихиях – потому Теофиль Готье сказал в новелле “Ауриа Марселла”, что галера Клеопатры под лазурным парусом продолжает рассекал волны неведомых океанов» [Головин 2006: 238].

женщину. Иначе мужчина рискует стать инструментом в руках «хтонид», прислужниц стихии земли, стихии, готовой использовать мужчину как инструмент для своего собственного умножения [Головин 2010: 57].

О положениях герметической теории Головина можно говорить еще достаточно много, но в контексте нашей статьи важнее будет сказать о том, что создало творческое воображение Головина в современной нам действительности. Увлечение воображаемым миром для эзотериков ни в коем случае не является формой эскапизма, напротив, для них это реальная форма действия. Вот и Головин создал «русский традиционализм» – эклектичный коктейль из несовместимых компонентов. Ныне в нем присутствуют алхимия, герметизм, Генон, Эвола, Унгерн, Элиаде, православие, ислам, Фулканелли, фашизм, Лавкрафт и многое другое. Примерно такой список тем мы получим, если внимательно прослушаем цикл передач А. Дугина «Finis mundi», доступном на его «Философском портале «Арктогея», или сходим к нему же на семинар в Центр консервативных исследований.

Последователей Головина часто ругают за то, что они занимаются глупостями, не являются учеными, совмещают несоединимое и профанируют все подряд. Часто это объясняют близостью этих последователей. Но нам представляется, что все как раз наоборот. Ведь еще одной стороной головинского дискурса был постмодернистский китч. Во всех, даже самых серьезных своих трудах, он постоянно оставлял место для недосказанности, неопределенности, которая могла превратить весь смысл рассуждений в карнавал. Например, в «Мифомании» он откровенно потешается над Фулканелли [Головин 2010: 80]; не раз высмеивает серьезность отношения к Генону; или, ставя вопрос о реальности эзотерического опыта Лавкрафта [Головин 2010: 430–447] и Грабинского [Головин 2002], так и не решает его. Косвенно наличие такого элемента подтверждается тем, что некоторые из «учеников» Головина не имеют ничего общего с эзотеризмом. Например, Василий Шумов, между прочим, единственный из ныне живущих, чьему творчеству Головин посвятил целую книгу, не имеет никаких связей с эзотеризмом. Единственное, что, на наш взгляд, роднит его с Головиным – ненависть к современности. Еще более яркое впечатление от такого подхода можно получить, почтавав головинские «Гротески», изданные в последней книге – «Там».

Создается такое впечатление, что весь эзотеризм не воспринимается Евгением Всеволодовичем всерьез, это лишь игра, с помощью которой он хочет поквитаться с миром, «топчущим грезы». Даже его искренности, казалось бы, симпатия к СС носит карнавальный оттенок.

Взять хотя бы *via dolorosa*, которой уходят вдаль черные колонны из его одноименной песни. С одной стороны, в прямом переводе это «дорога скорби», что полностью соответствует смыслу песни, так как войска разбитой армии вынужденно покидают Россию. Но в тоже время у популяризированного им Фулканелли данный путь имеет вполне алхимические коннотации. Таким образом, неясно, о чем вообще идет речь.

Именно в таком игровом ключе эзотеризм был передан ближайшим ученикам Головина – Дугину и Джемалю. Они же развили его, но с той же самой интенцией. Если смотреть на их деятельность через призму головинского китча, то весь «русский традиционализм» обретает совсем другие черты.

В заключение хотелось бы привести выдержку из книги «Шатуны», написанную другом Евгения Головина и его соратником по борьбе с современностью – Юрием Мамлеевым. В этом отрывке пророчески, а, быть может, магически (в постмодернистском значении данного термина) описывается настоящее современного «русского традиционализма»:

« <...> Вдруг послышалось некое шевеление, писк и из-за какого-то рваного, ободранного стола вылез юный Сашенька. Губы его дрожали. Он плохо понял, конечно, главную нить этого разговора, ибо мысли его двигались только в одном направлении.

– А если не хватает терпения!.. – закричал он каким-то нечеловечьи визгливым голосом. – Если не хватает терпения!.. Я, например, уже больше не могу... ожидать смерти и того, что там, за занавесом! У меня болят нервы... Надо порвать, порвать – наглядно, чтоб всем было доступно, а не только единицам – этот занавес, чтобы воспринимаемый тогда потусторонний мир стал повседневностью, частью нас самих! – закричал он, весь трясаясь.

– Чтоб рухнула преграда... Чтобы все слилось... И тогда и тогда, – он внутренне как бы усладился, – все изменится... человечество освободится от всех своих земных кошмаров; голод, война, страх перед смертью потеряют свой смысл; рухнет тюрьма государства, ибо она бессильна перед духовным миром... все перевернется...

– Ишь, куда понесло, – улыбнулась Анна. – В социальщину... Ну, это по юности... Ты еще организуй партию под названием “Загробная”... Программа и цель: порвать занавес... Со всеми последствиями ...» [Мамлеев 2003: 223].

ЛИТЕРАТУРА

- Бутузов 2008 – *Бутузов Г.* Алхимия XXI // Завтра. 29.10.2008.
- Головин 1997 – *Головин Е.* Сентиментальное бешенство Рок-н-ролла. М.: Нох, 1997.
- Головин 2002 – *Головин Е.* Стефан Грабинский и мировоззрение мага // *Грабинский С.* Саламандра. М.: Энигма, 2002. С. 5–30.
- Головин 2006 – *Головин Е.* Веселая наука: Протоколы совещаний. М.: Энеагон, 2006.
- Головин 2007 – *Головин Е.* Приближение к снежной королеве. М.: Арктогея-Центр, 2003.
- Головин 2010 – *Головин Е.* Мифомания. М.: Амфора, 2010.
- Головин 2011 – *Головин Е.* Там. М.: Фонд Евгения Головина, 2011.
- Мамлеев 2003 – *Мамлеев Ю.* Шатуны: роман. Рассказы. М.: Зебра Е., АСТ, 2007.
- Нилогов 2007 – *Нилогов А. С.* Кто сегодня делает философию в России: В 2 т. Т. 1. М.: Поколение, 2007.
- Пятигорский 2002 – *Пятигорский А. М.* Речь на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Ю. Рериха // <http://www.lomonosov.org/friend-esses/fourfriend-esses87177.html> (дата обращения: 31.05.2012).
- Ровнер 2006 – *Ровнер А.* Рыцарь святого Грааля // НГ-религии. 02.08.2006.
- Фулканелли 2008 – *Фулканелли.* Тайна соборов. М.: Энигма, 2008.
- Sedgwick 2004 – *Sedgwick M.J.* Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004.